

КОВАЛЕНКО ЗИНАИДА ПЕТРОВНА

Родилась в 1950 году. В 1972 году окончила Московский историко-архивный институт (МГИАИ), по специальности историк-архивист.

Свою трудовую деятельность начала в государственном архиве г. Кричева Могилевской области. В государственном архиве Брянской области работала с 1973 года. Прошла путь от руководителя хозрасчетной группы, до зам. начальника управления по делам архивов Брянской области.

Вся творческая биография Коваленко З.П. теснейшим образом связана с научно-исследовательской работой. Обладая исследовательскими навыками, Коваленко З.П. публикует статьи в сборниках "Страницы истории Карачева", "Русский авангард и Брянщина", "Страницы истории города Брянска" и др. В каждой её публикации "А. Добычин. Архивные находки", "Аев Иголкин и Белобережская пустынь", "Олег Брянский и Петропавловский монастырь", "В.В. Розанов в Брянске" и др. выступают образы различных исторических деятелей – монаха, князя, писателя, философа и публициста. Выделяя такие личности, прослеживая, если источники это позволяют, их жизнь, характеры и деяния, сталкиваясь с труднейшей биографическо-историографической задачей Коваленко З.П. последовательно стремится видеть объективные закономерности исторического процесса. Публикуемые ею работы отличаются отличным знанием истории Брянского края. Информация представлена в легкой и доступной форме.

С 90-х годов Коваленко З.П. активно сотрудничает с редакциями газет "Брянское время", "Брянская газета", "Десница", где печатают её статьи, посвященные раскулачиванию на Брянщине и использованию документов рассекреченных фондов.

В 2001 году Зинаида Петровна принимала участие в первой научной конференции, посвященной памяти литературоведа, издателя, литературного критика и переводчика В.П. Парыгина.

За время работы Коваленко З.П. неоднократно награждалась почетными грамотами. В 1998 году награждена Почетной грамотой Федеральной архивной службы.

Является "Почетным архивистом".

Коваленко З.П.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ
О СЕВСКОМ ПЛОЩАНСКОМ МОНАСТЫРЕ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

На основании Декрета об отделении церкви от государства храмы и другое церковное и монастырское имущество перешло в собственность государства.

Уже в ноябре 1918 г. монахи Площанской пустыни образовали сельскохозяйственную коммуну «Площанское трудовое братство», зарегистрировав её устав в Севском уезмотделе. Целью коммуны было «ведение культурного хозяйства». Хорошо налаженное хозяйство монастыря, достаточное количество сельскохозяйственных построек и инвентаря позволило членам коммуны заниматься сельскохозяйственным производством и различными ремеслами: слесарным, столярным, сапожным, портняжным и т.д. Однако, взаимоотношения с местной властью складывались непросто, постоянно возникали конфликты с волкомбедом, который неоднократно пытался безвозмездно воспользоваться имевшимися в коммуне лошадьми и другим имуществом.

В начале 1919 г. коммуна была ликвидирована. В заявлении председателя коммуны от 5 мая 1919 г. в Севский уезмотдел говорилось: «... Неожиданно 1 февраля явилась из Севска комиссия... для передачи земли и всего имущества коммуне «Пчела», имеющей пребывание в районе близ Севска. Комиссия приступила к описи построек и сельскохозяйственного инвентаря». В заявлении доказывалась эффективность деятельности коммуны и необоснованность её закрытия. Однако, это не возымело действия, коммуна «Площанское трудовое братство» прекратила свое существование, монастырские сельхозпостройки и инвентарь перешли в распоряжение коммуны «Пчела». Монахи временно остались проживать в монастыре, им были оставлены часть построек для проживания.

Перешедшие в собственность государства храмы в дальнейшем на основании инструкции СНК от 24 августа 1918 г. местными Советами вновь передавались в бессрочное бесплатное пользование группам верующих по договорам. Согласно этим договорам группы верующих, принявшие имущество, принимали на себя ответственность за целостность и сохранность врученного им имущества, обязывались из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храмов и находящихся в них предметов, нести расходы по ремонту, отоплению и т.д. При сдаче имущества группы обязывались возвратить имущество в том виде, в каком было принято. Кроме имущественных отношений, договор включал в себя пункт, оговаривающий принципы взаимоотношений с Советской властью: не допускать политических собраний, произнесения проповедей и речей, враждебного Советской власти направления и т.д.

При Севской Богородицкой Площанской пустыни также была создана религиозная община из жителей окрестных деревень Крупец, Шемякине, Гута, Городище, Локоть и др., которая и заключила соглашение с Севским уездным Советом 9 июля 1919 г. на прием в бессрочное бесплатное пользование богослужебных зданий с богослужебными предметами по особой описи¹.

При заключении соглашения была составлена опись, включающая описание всех монастырских храмов, монастырских построек, описание икон и риз к ним, описание ризницы и т.д.². При составлении её ставилась задача зафиксировать все самое ценное и в ней имеется полный перечень икон монастыря, наиболее ценных и имеющих какие-либо украшения. Опись дает полное представление о том, каким был монастырь в 20-е годы, период, когда монастырь уже утратил свое значение духовного центра, период, предшествовавший изъятию ценностей, закрытию церквей и разграблению имущества.

Главным храмом монастыря был каменный холодный храм во имя иконы Казанской Божьей Матери в два придела - с правой стороны во имя Святителя и Чудотворца Николая и слева во имя Кипрской иконы Божьей Матери, с четырех-ярусной каменной колокольней. В этом храме помещалась и ризница.

Иконостас главного придела был 4-х ярусным, деревянным, золоченым. В нем - местные иконы большого размера - Спасителя и Казанской Божьей Матери, в сребропозлащенных ризах. В описи дано подробное описание имеющихся в храме пяти сребропозлащенных риз на икону Божией Матери Казанская³, а также наиболее значительных икон храма.

Второй храм, каменный, имел три придела: главный - во имя Сошествия Св. Духа на апостолов и придельные: во имя Св. Иоанна Предтечи и «Феодоровской» иконы Божией Матери.

Третий храм - каменный, однопрестольный во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Четвертый храм во имя всех Святых - каменный над входными в монастырь воротами.

Пятый храм во имя Преподобного Сергия Радонежского был деревянным, вне монастырской ограды, при братском кладбище. При церкви деревянная колокольня.

Имелись две часовни: одна над колодцем деревянная с деревянной галереей, иконы в ней были простые на холсте в деревянных рамах, другая каменная, близ монастыря, по дороге, ведущей в село Брасово.

Монастырь был обнесен каменной, выбеленной оградой. Внутри монастырской ограды находились постройки: деревянный, обложенный

кирпичом одноэтажный настоятельский корпус с хозяйственными постройками при нем; большой 2-х этажный братский корпус, низ каменный, верх деревянный; каменный большой двухэтажный корпус с колоннами; каменный большой двухэтажный корпус, где были помещения для братии и мастерские: сапожная и портновская; одноэтажный деревянный, обложенный кирпичом казначейский корпус; одноэтажный корпус для братии, где размещалась и больница; каменный корпус для трапезной, в котором помещались кухня, хлебопекарня, подвал для овощей; при корпусе кирпичная башня с деревянным резервуаром для воды; каменное здание для келаря и его помощников, в нем же ледник и квасоварня; деревянный корпус лавки.

За монастырской оградой располагались: два деревянных 2-х этажных корпуса по 40 номеров, в котором бесплатно проживали богомольцы; странническая изба, каменный корпус с мезонином для кухни гостиницы, гостинника и хозяйственных помещений; сарай для экипажей и лошадей.

При кладбищенской церкви близ гостиницы пустыни стоял деревянный корпус для сторожа, пасечника и пчеловодческих принадлежностей.

При станции Брасово на крестьянской земле стоял деревянный флигель для остановки братии при поездках на станцию.

В Севске на Вознесенской улице стоял пожертвованный на поминовение деревянный флигель с усадебным местом, для помещения братии, бывающей в Севске со святой иконой.

Имелась каменная лавка в Ливнах и мелочная лавка в г.Севске с усадебным местом, пожертвованные на поминовение. Имелось множество других сельскохозяйственных построек и сельхозинвентаря.

Напротив перечня построек и имущества имеются отметки: «национализировано», «реквизировано отделом социального обеспечения», «отдан Севским уездным земельным отделом сельскохозяйственной коммуне «Пчела».

Вопрос о ликвидации Площанского монастыря рассматривался на заседании Севской уездной комиссии по отделению церкви от государства 24 декабря 1920 г., где было решено: «Войти с ходатайством в уисполком о полной ликвидации Площанского монастыря, оставив лишь один собор, который передать в ведение группе верующих соседних селений. Все же помещения и церкви вместе с территорией монастыря передать в распоряжение помещающейся там земледельческой коммуне «Пчела». Нетрудоспособных монахов поместить в приют, а трудоспособных использовать для трудовых целей. Постановление о ликвидации Площанского монастыря было принято Севским уездным исполнительным комитетом 21 января 1921 г., причем подчеркивалось, что закрываются монастыри, но не церкви, которые оставались в распоряжении приходских обществ.

В 1922 г. по церквям и монастырям проводилось изъятие церковных ценностей под знаком использования их для ликвидации голода в Поволжье.

Севская уездная комиссия по изъятию ценностей в Площанском монастыре работала с 30 апреля по 3 мая 1922 г. и составила протокол изъятия с приложением к нему описи изъятых имуществ. Всего в описи значится 169 наименований изъятых вещей, среди которых ризы с иконой, оклады с богослужебных книг, серебряные лампы, кадила, кресты, из которых были вынуты мощи и т.д. Всего было изъято более 70 кг серебряных и серебропозлащенных вещей, не считая драгоценных камней. В протоколе записано, что «Изъятые ценности все опечатаны в шести ящиках печатями уподкомиссии и лично-условной о. Игумена и сданы старшему команды Катанскому для сдачи ящиками в Севский Уфинотдел, как и риза с иконы Спасителя лишь упакованная, но не опечатанная, как не поместившаяся в ящик по своей величине»⁵.

Очевидно, в монастыре были предприняты попытки утаить часть ценностей, т.к. в протоколе отмечено отсутствие части вещей, значащихся по описи, вследствие чего был задержан игумен отец Никодим и председатель церковного Совета В.Н. Баранов 10 мая 1922 г. комиссия по изъятию ценностей обратилась к ним с письмом: «Уподкомиссия, отпуская вас до окончания следствия, приказывает вам возвратить в Уфинотдел не позднее 13 мая 10 часов утра венец с Гефиманской Богоматери, серебряный оклад вокруг Чудотворной Казанской Богоматери и восемь крестов серебряных, вынув из них мощи, два креста с резного Николая Чудотворца». Вещи эти были возвращены, причем серебряный оклад вокруг Чудотворной «Казанской» иконы Божией Матери в разобранном виде: «три полосы четырехугольных, одна полукруглая и девять малых кусочков»⁶. По делу об укрывательстве церковных ценностей игумен Никодим Спиридонов был привлечен к суду⁷.

17 июня 1924 г. губисполком принял решение об аннулировании договора с религиозными общинами, разъяснении верующим, что для отправления религиозных потребностей они могут использовать ближайшие приходские церкви, все церкви при монастыре закрыть и передать в распоряжение губоно, для нужд детучреждений. 26 июня 1924 г. вопрос о ликвидации церквей в бывшем Белобережском, Свенском, Одринском и Площанском монастырях Брянской губернии рассматривался Президиумом ВЦИКа, который утвердил постановление президиума губисполкома, но «во изменение п.4 все предметы религиозного культа (освященные) согласно существующих на сей предмет положений должны были быть переданы по описи в ближайшие молитвенные здания того же культа»⁸.

26 июня 1924 г. Севский уисполком объявил «группе верующих бывшего Площанского монастыря», что согласно постановлению губисполкома от 17 июня 1924 г. договор с ними на пользование церквями бывшего Площанского монастыря аннулирован. Была образована уездная

комиссия по закрытию церковей Площанского монастыря, приезд которой в Площанский монастырь, очевидно, вызвал возмущение верующих, которые отказались выделить уполномоченных при сдаче церковного имущества. Комиссия постановила приступить к приему имущества, пригласив для этой цели четырех понятых. «Женщинам в количестве около 60 человек, а также мужчинам в количестве 15-20 человек предлагается освободить монастырский двор»⁹.

Согласно инструкции наркомфина от 21 августа 1924 г. «О порядке ликвидации предметов религиозного культа» все предметы из драгоценных металлов поступали в Гохран; все предметы исторической или художественной ценности - в Главмузей; освященное имущество (иконы, ризы, хоругви, покровы и т.д.) передавались верующим для переноса в другие молитвенные здания того же культа. Такие предметы ни уничтожению, ни продаже, ни хранению в советских складах не подлежали. Предметы не освященные (мебель, ковры, колокола и пр.) подлежали зачислению в Госфонд и реализации через комиссии¹⁰ (т.е. продаже на рынках). Таким образом, имущество делилось на ликвидное, освященное и имеющее художественно-историческое значение. Севская уездная комиссия по закрытию церковей составила описи имущества, попытавшись разделить его по этим трем категориям. В уездную комиссию поступила масса заявлений от священнослужителей и Крупецкого сельсовета и на своем заседании 1 августа 1924 г., комиссия, рассмотрев 18 заявлений граждан, решила:

1. Крупецкому сельсовету выдать колокол, значащийся в описи под № 13 по описи Духовской церкви.

2. Иеромонаху Аполлинарию медное кадило, медный крест и икону под № 65,71 и 67, значащиеся в описи Сергиевской церкви.

3. Иеромонаху Никодиму апостол под №15 и крест на престольный медный под № 23, икону под № 231, значащиеся по описи Соборного храма.

4. Иеромонаху выданы незанесенные в опись запасные Св.Дары, Св.миро, антиминс с мощами, мощи, вынутые из крестов при изъятии ценностей и находящиеся в крестах...

5. Гр-ну села Шемякина Гута Ивану Чепелеву икону Николая Угодника под № 231 по соб. описи и икону Божией Матери, в описи собора не записанной.

7. Детской колонии взаимобразно пятьдесят аршин холста и во временное пользование стенные часы под № 28, значащиеся по описи Духовской церкви и под № 179, значащиеся по Соборной описи».¹¹

17 ноября 1924 г. зав. Брянским губмузеем С.С.Деев осмотрел имущество Площанского монастыря вместе с зав. Севским музеем С.А.Русановым и представил в комиссию по учету и реализации имущества закрытых монастырей и церковей Брянской губернии список вещей

художественно-исторического значения, подлежащих передаче музеям - Брянскому губернскому и Севскому.

Брянскому музею предлагалось передать: из церкви Духо-Сошестввенской - 2 подсвечника из алтаря на престоле, дарохранительницу, 2 свечи из паникадил перед алтарем, шитых бисером, иконы Успения Божией Матери и Спасителя из иконостаса, запрестольный кипарисовый крест резной афонской работы. Из Покровской церкви - 2 херувима и распятие - резные изображения на верху иконостаса, образ Тихона Задонского. Из церкви надвратной (Всех Святых): дарохранительницу оловянную на престоле в алтаре, благословенную грамоту. Из церкви иконы Казанской Божией Матери: иконы Вселетия Божией Матери, Смоленской Божией Матери, Благовещения, Иоанна Крестителя из иконостаса икону Казанской Божией Матери большую с левого столба и т.д.

В Севский музей предназначались иконы, запрестольные образы Троицы и «Христос Архиерей Вел.», евангелие 1794 г. с главного престола, антиминос 1818 г., икона Казанской Божьей Матери из главного иконостаса и т.д.¹².

При посещении Деев обратил внимание и на состояние архива монастыря «... бывшего еще совсем недавно в образцовом состоянии. В настоящее время этот архив, без всякой к тому нужды, выброшен из своего помещения, оборудованного стеллажами, расхищен, разбит и остатки его брошены в старой соборной ризнице вместе с другим монастырским хламом. Это разрушение культурного материала, ценного в историческом и экономическом отношениях, а также имеющего очень большое значение для разработки вопросов по антирелигиозной пропаганде произведено сотрудниками Севской Уфондовой комиссии»¹³.

Что же касается остального имущества монастыря, то часть его передавалась на хранение Севскому уездному отделу народного образования, в том числе риз священнических парчовых - 157, бархатных - 4, набедренников - 56, епитрахилей - 173, подризников матерчатых и шелковых - 77, диаконских стихарей - 84, воздухов - 54, облачений жертвенных и престольных - 35, поручей разных цветов - 318, орарей разных - 91 и т.д.¹⁴ Часть имущества была выдана для нужд детколоний, детдомов и школ - шкафы, столы, скамейки, печи и т.д.

16-17 декабря 1924 г. на своем заседании Губернская комиссия по учету и рациональному использованию церковного имущества рассмотрела описи Севской уездной фондовой комиссии по Площанскому, Троицкому и Спасскому монастырю, и постановила: «Проделанную работу по учету имущества по монастырям признать небрежной, ... выяснить виновного за допущенные неправильности, внесенные в описи при распределении имущества на ликвидное и освященное»¹⁵.

При закрытии монастыря встал вопрос и о мощах старца Василия Кишкина, умершего в монастыре и похороненного там же в 1831 г.

Иеромонах Василий - в миру Владимир Тимофеевич Кишкин принадлежал к дворянскому роду Кишкиных Фатежского уезда Курской губернии. Несколько лет он прожил на Афоне в Ильинском скиту, основанном Паисием Величковским в 50-е годы 18 столетия, а затем в Молдавии, в Нямецкой лавре. После возвращения в Россию в 1783 г. В.Кишкин постригся в монашество. С 1800 по 1804 г. он был начальником Белобережской пустыни, где его учеником был иеромонах Серафим, бывший с 1818 по 1826 г. строителем Площанской пустыни. Старец Василий был похоронен против алтаря Казанского храма, вернее между алтарями Николаевского и Казанского приделов. К могиле его приходило много посетителей, надеющихся получить помощь от этих посещений.

Было в Площанской пустыни еще одно захоронение, привлекавшее богомольцев - могила иеромонаха Пафнутия, в миру - купеческого сына из Волхова Павла Ивановича Козелкина, постриженного в монашество в 1730г. Он был строителем Площанской пустыни, скончался в 1758 г. и был погребен в Площанской пустыни по левую сторону алтаря соборной Казанской церкви.

В августе 1924 г. Севский уисполком поднял вопрос о вскрытии мощей Василия Кишкина и Пафнутия перед горисполкомом. В ноябре 1924 г. была создана специальная комиссия по вскрытию мощей. Доклад о работе комиссии рассматривался на XI Брянской губернской конференции 18 ноября 1924 г. Комиссия приступила к вскрытию 16 ноября. «... К этому моменту туда собралось до 2000 крестьян и крестьянок. Для того, чтобы видели весь процесс вскрытия их всех пропустили в ограду, где был похоронен Василий Кишкин (Брянский купец). Но, войдя сами в ограду, мы узнали, что кроме Кишкина в монастыре есть еще один святой Пафнутий, похороненный в церкви. Решили начать с Пафнутия... Взорвавши пол, мы начали копать и на глубине 2 1/2 аршина были найдены череп, кости рук и ног и другие человеческие кости. ... После этого принялись за Кишкина, гробница которого имела вид купели, залитой цементом. Мы вскрыли гробницу и начали копать, на глубине 2 1/2 аршина обнаружили тоже череп и другие кости. Старики крестьяне... стали говорить, что здесь что-то неправильно. Труп должен быть на середине, а этот лежит сбоку. Начали копать дальше, и нашли еще череп и другие кости. Мы спросили у игумена, чьи это кости? Последний ответил, что не знает.» В заключение доклада было сказано, что «эти черепы мы привезли с собой и их нужно широко использовать для антирелигиозной пропаганды.»¹⁶

По делу о мощах был привлечен к уголовной ответственности игумен монастыря Никодим. 16 января 1925 г. ему было предъявлено обвинение: «Бывшего игумена Площанского монастыря Никодима Спиридонова привлечь... в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в том, что, находясь в Площанском монастыре с детства и безотлучно с 1894 г. по день закрытия его и зная цель легендарных слухов о Василии Кишкине и чудесах на его могиле, о чудотворной иконе и проч. «достопримечательностях»

монастыря, распространяемых как администрацией, так и монахами указанного монастыря, в бытность свою с 1915 г. и до ноября 1924 г. игуменом этого монастыря, с целью извлечения средств и разных выгод для монастыря, а также пользуясь суеверием и религиозными предрассудками части, окрестного крестьянского населения, разрешал совершать и сам совершал обманные действия на могиле Василия Кишкина, перед так называемой чудотворной иконой и прочими «достопримечательностями» монастыря, т.е. преступлении, предусмотренном ст.120 УК»¹⁷. Судя по документам, дело по обвинению игумена Никодима состояло из 7 томов. В июле 1925 г. суд постановил бывшего игумена Площанского монастыря Никодима Спиридонова подвергнуть шестимесячному тюремному заключению, но принимая во внимание его крестьянское происхождение, малоразвитость и короткий срок службы игуменом, заключение постановил заменить штрафом в 100 рублей, назначив трехлетний испытательный срок¹⁸.

Интересна судьба чудотворной иконы Казанской Божией Матери. С просьбой о передаче её Севскому музею обращался зав. Губмузеем С.С.Деев в ноябре 1924 г.

8 января 1925 года общее собрание членов религиозного общества Иоанно-Предтеченской церкви г.Севска решило обратиться с ходатайством в Брянское епархиальное управление с просьбой о передаче чудотворного образа Божией Матери, именуемая Казанская бывшего Площанского монастыря в Иоанно-Предтеченскую кладбищенскую церковь г. Севска¹⁹. Брянское епархиальное управление поддержало эту просьбу, мотивировав её тем, что «означенная община находится в общении с Священным Синодом Республики, зарегистрирована, как прогрессивная и состоит из самого бедного, пролетарского населения г.Севска, крайне нуждающегося в материальной поддержке»²⁰. Просьба религиозной общины Иоанно-Предтеченской церкви была поддержана епархиальным управлением потому, что там была зарегистрирована община обновленческого направления, которую в противовесе общинам тихоновского, староцерковного направления, опекала советская власть.

Вопрос о чудотворных Площанского, Свенского и Одринского монастырей иконах рассматривался 13 января 1925 г. Губфондовой комиссией, которая, отметив, «несомненную колоссальную историческую ценность» икон, выразила мнение о необходимости передать иконы губмузею на хранение²¹.

Однако, все-таки по акту от 27 февраля 1925 г. Севская Губфондовая комиссия передала священнику Иоанно-Предтеченской церкви Алексею Полуботко икону Казанской Божией Матери из ликвидированного Площанского монастыря во временное пользование без ограничения срока. Имеется описание иконы, какой она была в 1925 г. «Внешний вид иконы. Написана масляными красками на доске, размер иконы высота 1 арш. с четвертью, в ширину 1 аршин, в металлической ризе с венчиком и простыми

камешками, 32 больших и 16 шт. маленьких, с коронкой - 2 камешка больших, средних 4 камешка и 20 шт. маленьких, осыпанная кругом искусственным жемчугом и деревянным киотом без стекла»²².

Икона отдавалась с условием, чтобы с ней не было хождений по городу Севску и по селениям уезда. Передача иконы в Иоанно-Предтеченскую церковь вызвала в Севске противостояние между священниками. Священник Крестовоздвиженской церкви Варлаам Попов был в апреле 1925 г. арестован и заключен под стражу в Губисправдом в связи с обвинением в распространении им ложных слухов о том, что переданная икона не чудотворная, не подлинная, подменена Советской властью и продана Полуботко за 300 рублей. Попов призывал бить камнями тех прихожан, которые ходят в церковь коммуниста священника Полуботко, обзывал его живаком. Думается, что икона была подлинная, противостояние же объясняется приверженностью Варлаама Попова тихоновскому направлению, а Алексея Полуботко-обновленческому. Дело было прекращено в декабре 1925 года, Попов освобожден.

Игумен Площанской пустыни о.Никодим, в миру Никодим Спиридонов, после закрытия монастыря с 1924 г. проживал в селе Игрицком Ко маричского района и служил священником в Знаменской церкви села Игрицкое. Он родился в селе Скородное Новосельского уезда Тульской губернии, происхождением из крестьян. В Севской Площанской пустыни находился с 1894 г., в своих показаниях на следствии говорит о поступлении в монастырь в 13-14 лет. Игуменом Площанской пустыни стал в 1915 г. В 1930 г. Никодим Спиридонов был привлечен к ответственности по ст.58 п.10, 58 п.11 в числе 96 человек по обвинению в создании контрреволюционной организации из бывших монахов, опирающейся на кулацкие элементы. Был осужден к отбытию 10 лет в концентрационных лагерях. Дело по обвинению Никодима Михайловича Спиридонова пересмотрено, и он реабилитирован постановлением Брянской областной прокуратуры 21 сентября 1989 г.

Основание:

1. ГАБО, ф.508, оп.2, д.110, л.90.
2. Там же. Лл.44-86.
3. Там же. Лл.84-85.
4. Там же. Лл.61-61 об.
5. ГАБО, ф.508, оп.2, д. 110, л.120 об.
6. Там же. Л. 139.
7. ГАБО, ф.508,0.2, д. 123, л. 2.
8. ГАБО, ф. Р-80, оп.1, д.938, л.28.
9. ГАБО, ф.508, оп.2, д. 110, л.2.
10. ГАБО, ф.Р-85, оп.2, д.47,л.275.
11. ГАБО, ф.508, оп.2, д.110, лл.9-9 об.

12. ГАБО, ф.85, оп.2, д.46, лл.138-139.
13. Там же. Д.47, лл.262-262 об.
14. Там же. Лл.310-310 об.
15. Там же. Лл.258-258 об.
16. ГАБО, ф. П-1, оп.1, д.1032, л.62.
17. ГАБО, ф. Р-271, оп.1, д.2458, лл.4-5.
18. Газ. «Наша деревня». - № 25(40). - 12 июля 1925 г.
19. ГАБО, ф. Р-85, оп.2, д.80, лл. 142-142 об.
20. Там же. Л. 141.
21. Там же. Д.47, лл.271-271 об.
22. Там же. Л.365.
23. ГАБО, ф. Р-1780, оп.1, д.52.